

Совершенно секретно.

С Е К Р Е Т А Р Ю Ц.К. В.К.П. (б)

тов. С Т А Л И Н У.

Направляю заявление арестованного участника
антисоветского военного заговора АЛЕХИНА Е.С., быв-
шего начальника Об'единенной Белорусской военной
школы, от 31 марта с.г.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
С о ю з а С.С.Р.

(Е Ж О В)

" " апреля 1938 года.

102676

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ Б.С.С.Р.

от заключенного А Л Е Х И Н А
Евгения Степановича.

З а я в л е н и е

Гражданин Народный Комиссар, у меня еще осталась доля честности советского гражданина, которая и толкнула меня на путь чистосердечного раскаивания во всей моей преступной деятельности.

В 1935 году я был завербован УБОРЕВИЧЕМ в контрреволюционный фашистский заговор, который ставил своей целью свержение Советской власти путем вооруженного восстания. Таким образом с 1935 года я являюсь изменником родины и членом этой контрреволюционной организации. Произошло это следующим образом: - мое назначение на должность начальника училища произошло по инициативе УБОРЕВИЧА. Когда я был вызван в 1933 году начальником Управления по начсоставу ФЕЛЬДМАНом по вопросу моего назначения, я у него спросил как на это смотрит УБОРЕВИЧ. Он мне ответил, что мою кандидатуру выставил УБОРЕВИЧ.

2.

В ноябре 1933 года я приехал к УБОРЕВИЧУ в Смоленск с докладом о результате соревнования школы со школой ВЦИК и Одесской школой. Результат у меня был - 5 первых мест из 7. Он меня похвалил и сказал, что он меня выдвинул на школу, разрешил мне отпуск и дал месячный оклад денег на отпуск.

В 1934 году на химическом сборе, он меня спросил, как я живу со своим комиссаром ШАДУРО, я ему ответил, что плохо. УБОРЕВИЧ мне сказал, что он меня сделает единоначальником, а ШАДУРО от меня заберет. К отпуску он опять дал мне месячный оклад.

Наконец, в марте или апреле, точно не помню, 1935 года, по телефону из вагона УБОРЕВИЧА на ст. Минск, мне передали, что УБОРЕВИЧ приказал явиться к нему в вагон к 21 часу. Я явился к нему в вагон, он был один. Сначала разговор был о делах школы, в частности о новом лагере школы, который я отстраивал. Так беседовали мы с ним около часу, потом он мне говорит: "Вы не-плохой командир, участник гражданской войны, получили хорошее военное образование, поэтому я Вас назначил на школу. В школе дела у Вас идут хорошо, школа для Вас теперь уже мала, я Вам скоро дам дивизию". Я поблагодарил его и обещал оправдать его доверие и на дивизию. Тогда он мне говорит: - "У меня к

3.

Вам очень серьезное дело, которое требует с Вашей стороны большой решительности и абсолютной тайны. Скоро будет война, которая, безусловно, окончится неудачей для Советского Союза, причиной этому является то, что есть очень солидная организация, которая возглавляется очень большими людьми. Эта организация ставит своей целью свержение Советской власти и возвращение к капитализму, путем вооруженного восстания". Я опешил. Он это моментально уловил и говорит дальше: "Вы понимаете серьезность этого сообщения, поэтому ответ от Вас я жду только такой, что Вы обязаны войти в эту организацию". Я задумался. Затем он добавил, что знает о моем участии в эсеровском мятеже в Тамбове, что я сын кулака, и поэтому моя попытка к отказу не будет в мою пользу. Я вспомнил свое недовольство коллективизацией и дал свое согласие.

На мой вопрос, в чем же должна заключаться моя обязанность, УБОРЕВИЧ мне ответил: - "Основная Ваша задача состоит в том, чтобы в момент восстания новой организации против Советской власти, школа могла немедленно перейти на сторону восставших, будет ли это в мирное, или в военное время". Ближайшей задачей он мне поставил: - подбирать надежных людей из командного состава и курсантов, которые могли бы перейти на нашу

4.

сторону, всеми мерами вызывать недовольство командного состава и курсантов Советской властью, снижать роль политсостава в деле боевой подготовки, тормозить учебный процесс и наносить материальный ущерб государству. Почему же я стал на этот путь изменника родины? Причина этого заключается в следующем: -

Я сын крупного кулака, который имел около 40 десятин земли и применял поденную рабочую силу 10-15 человек. По совету местного учителя отец отдал меня учиться во 2-классную школу учиться на учителя. Эта школа была церковного ведомства. После 3-х летнего обучения я поступил еще учиться в церковно-учительскую школу. Эта школа готовила сельских учителей, но была тоже церковного ведомства. В 1914 году я был призван в царскую армию. В 1915 году я окончил школу прапорщиков в Москве и сейчас же был отправлен на фронт империалистической войны. На фронте я пробыл до января 1918 года, вращаясь, главным образом, среди офицерства. Таким образом весь период моей жизни до октябрьской революции - детство в кулацкой семье, учеба в училище церковного оттенка, пребывание на фронте среди офицерства, проходил в такой обстановке, которая не позволила мне сочувственно отнестись к

5.

Октябрьской революции.

Во время Октябрьской революции я был в окопах, участия в ней не принимал. В январе 1918 года я вернулся с фронта в деревню к отцу.

Я сначала предполагал весну отдохнуть от тяжести войны и к осени начать учительствовать. В это время в деревне разворачивали свою работу комитеты бедноты, земля была у отца отобрана. Я был настроен против комитета бедноты, потому что ясно себе не представлял, как они могут справиться с этой большой задачей. Открыто против комитета бедноты я не выступал, но в беседе с отдельными гражданами я высказывался отрицательно. Разгоралась гражданская война, я не верил, что большевики выйдут из нее победителями, поэтому я и сидел дома, дожидаясь учительской должности, полагая, что это пройдет все мимо меня.

В июне 1918 года в Тамбове был эсеровский мятеж. Мое участие выразалось в нем в следующем: - во второй половине дня мятежа, я приехал в Тамбов по имеющейся быть мобилизации, которая была об'явлена за несколько дней до мятежа. По улицам ходили патрули мятежников и никого не пропускали. Я окраиной города прошел к сестре, под вечер я пошел в город, по дороге меня

6.

останавливали патрули мятежников, но сейчас же пропускали, когда я им говорил, что я офицер. От одного патруля я узнал, что мятежники проводят собрание в б. Дворянском собрании. При входе в здание меня остановил часовой гимназист, я ему сказал, что я офицер, он меня пропустил. Проходило собрание, которое проводил какой-то полковник. На этом собрании говорили, что большевистская власть свергнута не только в Тамбове, но и во многих других городах и, что она больше не вернется. Знакомых на этом собрании у меня не было. Собрание закончилось перед заходом солнца и было приступлено к назначению в наряд. Я попал в группу, которая ночью должна была произвести аресты по городу. После распределения наряда мы были отпущены с тем, чтобы к 23 часам собраться в этом же здании. Я ушел к сестре.

По возвращении, уже в темноте, по улицам города я пройти не мог, была стрельба, большевики по подложным паролем сменили караулы мятежников и захватили штаб. Мятеж был подавлен. Я немедленно направился пешком в деревню. На этом и кончилось мое участие в мятеже.

В первых числах августа я был арестован Тамбов-

7.

ской ЧК за участие в мятеже, через 6-7 суток я был освобожден.

В августе в деревне стало жить небезопасно, в окружающих районах стал развиваться бандитизм, которому я совершенно не сочувствовал. В городе и деревне стала налаживаться нормальная жизнь. На фронтах гражданской войны Красная армия ведет успешно борьбу с контрреволюцией, стало очевидно, что большевики не только сумели захватить власть, но и сумеют ее удержать. Передо мной стал вопрос что делать дальше, - другого выхода у меня не было, как пойти в Красную армию сражаться за социалистическую революцию. На фронте гражданской войны я дрался честно. Кулацкое мое наследие не совсем растерялось в боях гражданской войны. При вступлении в ряды ВКП(б) в 1928 году я скрыл свое социальное положение.

В дальнейшем у меня было сомнение в вопросе коллективизации крестьянства, особенно в таком виде, в котором она происходила в Белоруссии. Я не знал, что в Белоруссии головка правительства была контрреволюционная, поэтому и все неполадки, например - чрезмерное задание по посевной площади, непосильное обложение единоличников, принудительная коллективизация, все это я принимал за политику партии и Советской

8.

власти в деревне.

Все это и является причиной, благодаря которой я стал участником военного фашистского заговора.

Как я потом убедился, УБОРЕВИЧ в начале моей вербовки не все мне сказал, что он требует от училища. Он даже не сказал, что в училище уже есть эта организация.

В феврале 1936 года я опять имел свидание с УБОРЕВИЧЕМ в его вагоне на станции Минск. В это время он мне уточнил задачу училища. Это уточнение заключалось в следующем:

В вагоне он был опять один. Разговор наш начался с того, что УБОРЕВИЧ мне сказал - задачу училища он мне уточнит. Это уточнение заключается в следующем: - он мне сказал - "Раз школа является белорусской, то она и должна быть предана белорусскому правительству в лице ЧЕРВЯКОВА, ГОЛОДЕДА и ГИКАЛО, поэтому Вы должны всеми мерами популяризовать их среди курсантов и командного состава; на случай мятежа училище переходит целиком на сторону (в распоряжение) мятежного правительства". Подробности я должен получить у военного консультанта ГОНЧАРОВА.

Задачи училища на военное время остаются те же,

9.

что и на мирное время, с добавлением того, чтобы предусмотренный мобплан - переезд училища в Горький - провести с возможно большими недочетами.

В вопросе подготовки курсантов во время войны УБОРЕВИЧ указал, что основываясь на сокращенном сроке обучения курсантов и на плохом оборудовании классов и лабораторий, - готовить малограмотных командиров, в частности меньше давать им практической работы в области методики обучения красноармейцев и методе ведения боя.

В середине февраля я был у военного консультанта ГОНЧАРОВА и имел с ним разговор по вопросу участия училища в мятеже. Я ему передал, что на днях мне УБОРЕВИЧ сказал, что училище должно быть предано Белорусскому правительству в лице ЧЕРВЯКОВА, ГОЛОДЕДА и ГИКАЛО. На случай мятежа училище переходит целиком в распоряжение мятежного правительства. Подробности действия я должен получить у Вас. ГОНЧАРОВ мне ответил, что это он знает, потому что он вел уже беседу по этому вопросу с УБОРЕВИЧЕМ. Относительно задачи училища он мне сказал, что училище во время мятежа должно охранять правительство и телеграф. Кроме того, училище должно быть готово, как боевая единица, на случай боя. Подробный же план использования училища

10.

на период мятежа он обещал дать дополнительно, когда это будет необходимо. Этого плана он мне так и не дал.

Моя практическая деятельность в выполнении поставленных мне задач сводилась к следующему: - я являлся организатором и руководителем контрреволюционной группы в училище по заданию УБОРЕВИЧА. Я готовил училище к контрреволюционному мятежу. Я имел связь с представителем контрреволюционного правительства Белоруссии - с военным консультантом ГОНЧАРОВЫМ.

В планировании учебного процесса я допускал переброску часов из одного предмета в другой, в частности отрывал от тактики и передавал предметам социально-экономического цикла. Политсостав и командный состав мало был в курсе учебной жизни училища. Активы собирались редко. Хотя в шуточной форме, но я называл некоторых преподавателей, например ГРИЩЕНКО и АЛЕКСЕВИЧА дармоедами, лекции называл декламацией.

Я допускал излишнюю перегруппировку групп даже в середине учебного года. При представлении ходатайства на увольнение, я включал в списки курсантов, которых можно было бы и не увольнять. Увольнял больше всего белоруссов, основываясь на том, что они слабее русских знают русский язык и математику. Это неправильно в рамках национальной школы и вызывало недовольство среди

курсантов. Такой случай был осенью 1936 года, когда была уволена большая группа курсантов-белоруссов. На переводных экзаменах многие получили плохие отметки. Я их предполагал уволить в начале учебного года, поэтому я их выделил в отдельную группу, но списки на них были высланы в УВУЗ с опозданием. Начальник Управления военных учебных заведений СЛАВИН не торопился с ответом на отчисления. Эта группа курсантов на занятия не ходила, открыто выражала свое недовольство, что создавало нервозность, разлагало дисциплину и дергало командный состав.

По приказу школа не имела права выдавать увольняемым курсантам выходные гимнастерки, но выдать их было можно, - я приказал их отобрать. Курсанты отказались выполнить приказы командиров рот. Комбат - капитан ХРАБРЫЙ доложил мне, я приказал отобрать их силой. Капитан ХРАБРЫЙ мне на это не возразил и потребовал это выполнить, но из этого ничего не вышло. Курсанты оказали сопротивление. Это тоже вызвало большое недовольство среди курсантов и командного состава. Этот вопрос был поднят прокурором округа, который мне сказал, что этот факт будет фигурировать в приказе по округу, но приказа никакого я не видел. Когда проку-

рор интересовался причиной увольнения такого количества курсантов, то в этом деле меня поддерживал комиссар училища ТЕМКИН, который прокурору сказал, что он интересовался у СЛАВИНА о количестве отчисленных в других школах, оказалось, что в нашем училище таковых меньше всего. Вообще вопрос отчисления курсантов ТЕМКИН проталкивал легко, пользуясь близким знакомством со СЛАВИНЫМ.

В обращении с командным составом я допускал грубость, что создавало нездоровое настроение.

Из года в год на каждом собрании ругали учебный отдел за расписание занятий. Оно у нас почти никогда не выдерживалось, но несколько раз пересоставлялось, вычеркивалось, добавлялось. Это делалось очень просто-либо не предусматривались командировки командно-преподавательского состава, или просто какойнибудь преподаватель приходил к начальнику учебного отдела - полковнику КРЕЙЕРУ и начинает плакать, прибавить ему несколько часов на пятидневку. КРЕЙЕР просьбу удовлетворял и сейчас же вносился это изменение в расписание. Это сбивало с толку не только преподавателей, но и курсантов. Эту путаницу мы об'ясняли большим некомплексом преподавательского состава.

В строительстве лагеря в деревне Сциклево, я под

13.

видом экономии средств, не разрешал составлять проекта, а проектировали сами доморощенным способом. Так был построен навес над курсантской столовой и курсантский барак. В результате этого навес над столовой под тяжестью снега обвалился, пришлось дополнительно истратить на восстановление около 2.000 рублей. Барак был после подкреплён по указанию инженера квартчасти гарнизона.

То же самое происходило и в отношении планирования лагеря. Есть утвержденный стандартный план лагеря. Под видом сохранения деревьев я этого плана не придерживался и строил его по собственному усмотрению. Вид культурного распланированного лагеря не получился, а имеет вид разбросанных в беспорядке построек.

В начале 1936 учебного года училище должно было получить материальную часть для учебного механизированного взвода. Гаража сначала не было. Строил его округ, а место намечал я. Это место мною выбрано неудачно. Прежде всего он выходит за красную черту улицы метра на два. Горсовет выносил по этому вопросу специальное постановление о его сносе, но этого не получилось, во-вторых, он построен в 3-4 метрах от деревянного склада, который загораживает въезд в гараж. При пожаре все машины быстро из гаража не выйдут

14.

Я предполагал снести этот склад, совершенно пришедший в негодность.

В 1934 году я задумал организовать при училище кабинет истории школы. Сначала у меня была благая мысль собрать в определенном месте достижения училища о боевой и политической подготовке и на этих достижениях воспитывать курсантов. В этом мероприятии мне здорово мешал комиссар ШАДУРО, да и учебный отдел неохотно подбирал необходимый материал. Я все-таки продолжал доводить это дело до конца и потратил на это около 8 тысяч шефских денег. Хорошего из этого ничего не получилось.

По мобилизационному плану училище на второй день мобилизации должно закончить погрузку для переезда в Горький. Подготовка к этому переезду в училище проведена плохо. Прежде всего всю классную мебель оставляли, на это было указание УВУЗ'а. Учебно-классные пособия, библиотеку, техническое имущество (учебное), оружейный склад, вещевое имущество, продовольствие училище забрать с собой не могло. Для этого недостаточно транспорта и почти полностью отсутствует упаковочный материал и тара. Помещение в Горьком не подготовлено. Таким образом училище должно было переехать в Горький с огромным недостатком учебных по-

15.

собий и без инвентаря. Переезд семей не отработан. Мобилизационный план училища отработан не конкретно и не обеспечивает нормальный переезд училища в Горький.

Кого я завербовал по заданию УБОРЕВИЧА.

Первый, на ком я остановился, был командир батальона ВЛАСОВ; за ВЛАСОВЫМ я знал такой случай: на квартире у начальника боепитания ПАРИЖСКОГО была выпивка, на которой присутствовали ВЛАСОВ и РУШИНГ. На этой выпивке они пели "боже царя храни". Сначала я к нему очень хорошо относился, бывал у него на квартире в гостях. В конце января 1936 года на стрельбище у меня с ВЛАСОВЫМ был такой разговор - я сказал, что по международной обстановке скоро, очевидно, будет война, которая для Советского Союза будет очень трудной, потому что в эту войну против СССР будет втянут весь капиталистический мир, поэтому очень возможно, что Советская власть не удержится. Он в этом согласился. Эту мысль я продолжил еще тем, что сказал: - у нас в Союзе есть очень большая контрреволюционная организация, которая возглавляется очень большими людьми. Эта организация ставит своей целью, путем вооруженного восстания, свергнуть Советскую власть и восстановить капитализм. Я в этой организации состою, предлагаю вступить и тебе. Он дал согласие.

16.

Я ему дальше сказал, что задача наша состоит в том, чтобы подготовить училище к этому восстанию против Советской власти. Кроме этого, он должен вербовать новых людей из командного состава и курсантов. Тут же мне ВЛАСОВ сообщил, что в училище такая организация уже есть, она была организована бывшим начальником школы ВАСИЛЕВИЧЕМ в 1931-1932 г.г. и назвал мне фамилии КРЕЙЛЕРА, РУШИНГА, ХРАБРОГО, ныне командир батальона училища; БУРША - командира роты; ПАРИЖСКОГО - бывшего начальника боепитания; командира роты МАРКЕЛОВА; командира батареи ВОРОБЬЕВА, переведен из училища; командира взвода СИПАЙЛО - тоже переведен. В батальоне эту организацию возглавлял ВЛАСОВ, а в дивизионе сначала б.командир дивизиона ГОРБАТОВ - учится в Артиллерийской академии в Ленинграде, а с уходом ГОРБАТОГО эту организацию возглавлял преподаватель РУШИНГ.

Летом 1936 года артдивизион училища был расформирован. Мне не удалось лично говорить с ГОРБАТОВЫМ по вопросу контрреволюционной деятельности в артдивизионе.

После ухода ГОРБАТОГО из училища я имел одну беседу в мае 1936 года с РУШИНГОМ. Разговор происходил у меня в кабинете вечером. Я ему сказал, что мне

17.

известно, что в училище существует контрреволюционная организация, членом которой он состоит. Я его попросил сообщить мне, кто в этой организации состоит из артдивизиона. Он мне сообщил, что членами этой организации состоят: он - ГОРБАТОВ, ВОРОБЬЕВ, СИПАЙЛО и командир взвода ЗАЙЦЕВ. Больше он мне никого не назвал.

Я ему сообщил задачу нашей организации, которую я получил от УБОРЕВИЧА, т.е. подготовить училище к восстанию против Советской власти. Практическая его работа должна заключаться в вербовке новых членов из командиров и курсантов. Больше с ним беседы я не имел по случаю расформирования дивизиона. О дальнейшей его работе я не знаю.

Тоже самое я не встречался ни с ВОРОБЬЕВЫМ, ни с СИПАЙЛО, ни с ЗАЙЦЕВЫМ, поэтому не знаю, что они сделали.

Командир батальона ВЛАСОВ весной 1936 года был переведен командиром полка в 81 стрелковую дивизию. Уходя он мне сказал, что за него остался командир батальона ХРАБРЫЙ - он будет руководить организацией в дальнейшем.

Примерно в июне 1936 года на стрельбище, в редкой роще, я имел беседу с ХРАБРЫМ. Я ему сказал, что от ВЛАСОВА мне известно, что ХРАБРЫЙ состоит в к-р

организации, которая имеет своей задачей, путем вооруженного восстания свергнуть Советскую власть. Он не отрицал. Я ему сказал, что Ваша задача состоит в том, чтобы подготовить батальон к восстанию. Для этого он должен продолжать вербовку среди командиров и курсантов. Впоследствии я имел с ним разговор два раза, один раз я разговаривал в декабре 1936 года. Разговор происходил на тему, как у него идет работа. Это было у меня в кабинете, ХРАБРЫЙ мне сказал, что кроме БУРША и МАРКЕЛОВА пока у него никого нет. Затем, при втором свидании в апреле 1937 года он мне сказал, что им завербованы через БУРША и МАРКЕЛОВА командиры взводов НИЧАЕВ и САБЕНИКОВ и курсанты ИВАНОВ и ПОГУЛЕВСКИЙ. Эти курсанты сейчас командиры взводов в училище. Больше у меня с ним по этому вопросу разговоров не было.

В июле месяце я из училища был переведен в командиры 81 стрелковой дивизии. В практической работе я ставил перед командиром батальона ХРАБРЫМ то, чтобы в подготовке курсанта стараться меньше прививать им практических навыков при обучении красноармейцев; по стрелковому делу преподносить курсантам сокращенную программу. Он эту задачу выполнил, в частности курсанты-выпускники 1936 года не знали стрельбу с закрытых позиций.

19.

В июле 1936 года мною был завербован капитан ЛЕОНЕНОК - помощник начальника учебного отдела.

Сблизился я с ним на охоте. Рано утром, до начала занятий, мы с ним поехали тренировать собаку на болоте по Могилевскому шоссе. Я раньше подробно ознакомился с его прошлым. Он офицер военного времени, с высшим образованием, из крестьян, - говорит середняков. Мы часто говорили с ним по вопросу коллективизации крестьянства. Он имеет в колхозе много родственников, от которых он часто слышал недовольства колхозами. Затем высказывал сам недовольство такой коллективизацией, которая происходила в Белоруссии. На этом мы с ним сошлись во взглядах по вопросу коллективизации. На этой тренировке я решил его завербовать. Я ему сказал, что существует очень солидная организация, во главе с большими людьми. Эта организация ставит своей целью свержение Советской власти и восстановление капитализма. В этой организации состою и я. Я предлагаю тебе тоже самое вступить в эту организацию. Он ступался. Тогда я ему сказал, что если ты знаешь про это серьезное дело, то не участником его ты быть не можешь по понятным тебе причинам. Он согласился.

Перед ним я ставил следующие задачи: - в процессе учебного периода особенно нажимать на общеобразователь

ные предметы, чтобы этим самым отвлекать курсантов от военных предметов. Под видом подбора курсантов по одинаковому уровню подготовки, производить перегруппировки групп, чтобы срывать учебный процесс, подбирать курсантов на откомандирование, мотивируя неуспеваемостью по общеобразовательным предметам. Больше перед ним я задач не ставил. Поставленные перед ним задачи он выполнял.

Еще я завербовал капитана ЕРГОЛЬСКОГО. К ЕРГОЛЬСКОМУ я хорошо относился, премировал его за хорошую работу, ставил его в пример другим командирам. Я знал отдаленность ЕРГОЛЬСКОГО от политической жизни и что его это немало беспокоило. Я решил его взять на испуг.

Однажды на стрельбище на спортгородке в июле 1936 года я ему сказал следующее: - "Работаешь ты хорошо, курсанты интересуются физкультурой, тратят на это много времени, это дополнительное время они тратят за счет других предметов, в частности за счет предметов социально-экономического цикла, преподаватели на тебя здорово обижаются". Он мне ответил, что выполняет приказ по училищу о развертывании спорта. Я ему ответил, что он проявляя большое внимание развитию спорта, объективно выполняет контрреволюционное дело, отвлекает курсантов от более серьезных предметов военных и

социально-экономического цикла, он мне ответил: "неужели приказ по училищу контрреволюционный". Я ему ответил - да. Потом я ему прямо сказал, что УБОРЕВИЧ мне сказал, что существует очень крупная контрреволюционная организация, которая возглавляется большими людьми. Своей задачей эта организация ставит свержение Советской власти и восстановление капитализма. Эта организация вербует себе членов. Я ему предложил вступить в эту организацию, он страшно перепугался. Я ему еще добавил, что он знает секрет величайшей важности и что его попытка огласить это будет стоить ему жизни, поэтому я посоветовал дать ему свое согласие. Он попросил у меня немного времени на размышление. Через 1-2 дня я опять к нему пришел на спортгородок - он дал согласие. Я ему поставил задачу - попробовать кого-нибудь завербовать из курсантов. В своей практической работе я ему предложил продолжать втягивать курсантов еще больше в спорт, но методике обучения обучать их как можно меньше. Спортом он продолжал заниматься в том же духе, но завербовать ему никого не удалось.

В начале 1937 года в училище был прислан УБОРЕВИЧЕМ капитан БЛАГОДАРИН, как член к-р организации. В середине мая^я с ним беседовал у себя в кабинете. Я ему сказал, что УБОРЕВИЧ мне сообщил о нем, что он состоит

членом контрреволюционной организации и с этой целью прислан в училище. БЛАГОДАРИН мне ответил, что это верно.

Перед БЛАГОДАРИНЫМ я поставил задачу изучать людей, как начальник строевого отделения, кого бы можно было завербовать. На этом с БЛАГОДАРИНЫМ было все прекращено по случаю моего убийства из училища.

На свидании в феврале 1936 года УБОРЕВИЧ мне сказал, что в училище прибыл пом.полит ТЕМКИН, который в курсе этого заговора и приказал мне с ним переговорить. Кроме этого, УБОРЕВИЧ мне сказал, что ТЕМКИН имеет соответствующие указания, от кого - не сказал.

В феврале же я имел беседу с ТЕМКИНЫМ у него в кабинете поздно вечером. Я ему сказал, что УБОРЕВИЧ мне сказал, что ты прислан в училище с заданием приготовить училище к мятежу, о котором он в курсе дела. Он мне ответил, что он в курсе дела и приехал, чтобы его продвинуть. Я ему сказал, что УБОРЕВИЧ поставил передо мной задачу подготовить училище, чтобы оно перешло на сторону мятежников во время восстания. Задача училища во время восстания охранять мятежное правительство Белоруссии в лице ГИКАЛО, ЧЕРВЯКОВА, ГОЛОДЕДА и охранять телеграф. Потом я назвал ему членов органи-

зации - КРЕЙМЕРА, ВЛАСОВА, ХРАБРОГО, БУРША, МАРКЕЛОВА, ПАРИЖСКОГО, КУМПИЦКОГО, ВОРОБЬЕВА, СИПАЙЛО и ЗАЙЦЕВА. Он мне ответил, что о некоторых лицах он уже знал; затем я у него спросил, как он думает работать. В этот вечер он своего плана работы не сказал, а сказал через несколько дней.

Первая его задача была вербовать людей из политсостава, а через них и курсантов. Вторая задача заключалась в популяризации ГИКАЛО, ЧЕРВЯКОВА, ГОЛОДЕДА, третья задача - поближе познакомить курсантов с историей и экономикой Белоруссии, для этого он предполагал использовать Белорусскую академию наук.

В дальнейшей своей работе мы только мельком обменивались о своей работе. Нового он мне ничего не сказал, кроме того, что я видел сам. О завербованных им членах я сведений не имею.

С КРЕЙМЕРОМ у меня были беседы, он мне сказал, что он проводит к-р работу в планировании учебного процесса, я с ним согласился. Его работа заключалась в том, что он задерживал составление плана на учебный год, вносил путаницу в распределение часов по темам, вносил путаницу в расписание, устраивал перегруппировку групп среди учебного года.

С ПАРИЖСКИМ и КУМПИЦКИМ я личного общения по воп-

24.

росам контрреволюционной организации не имел, с ними дело имел КРЕЙЕР.

Специальных отчетов о своей проделанной контрреволюционной работе по выполнению заданий УБОРЕВИЧА, я перед ним не делал. При вышеописанных свиданиях с ним я ему доложил о членах организации и о том, что я проделал сам.

Вот вся моя работа, как участника военно-фашистского заговора. Этим я совершил величайшее преступление - я изменил родине, нарушил присягу, я шел против рабочего класса и крестьянства, я шел против революции. За такое преступление я заслуженно понесу кару, которую мне определит суд. Вместе с тем я прошу Вас - гражданин Народный Комиссар, в рамках возможности дать мне любой ценой смыть кровью это грязное пятно.

Я еще непотерянный человек, у меня есть силы, неизмеримое желание честно работать на благо нашей великой социалистической родины.

Заклученный АЛЕХИН Евгений Степанович.

31 марта 1938 года.

г. М и н с к.

ВЕРНО:

ВРИД СЕКРЕТАРЯ 5 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД СССР
Мл. лейтенант гос. безопасности:
(АФАНАСЕНКО)